Серия: Антитеррор.
Герои мирного времени

ИСТОРИЯ ПОДВИГА

ОТКРЫТЫЙ ДНЕВНИК 2

«Мужественные подвиги достовернее слов»

Александр Суворов,
великий полководец

«… нет героев от рожденья, - они рождаются в боях»

Александр Твардовский,
писатель и поэт

«Храбрость – это до конца осознанная ответственность»

Петр Павленко,
писатель

«Мужество есть презрение страха. Оно пренебрегает опасностями, грозящими нам, вызывает их на бой и сокрушает»

Сенека,
древнеримский философ

Серия: Антитеррор.
Герои мирного времени

ИСТОРИЯ ПОДВИГА
ОТКРЫТЫЙ ДНЕВНИК 2

Документально-художественный сборник
для школьников среднего и старшего возраста

Автор-составитель — А.Г. Леднев
Дизайн, макет, верстка — Андрей Щабленко
Художник — Дарья Грибова

На первой странице обложки – фрагмент памятника «Спецназу России», который установлен в парке Интернационалистов в г.Санкт-Петербурге. Рисунки сделаны по мотивам фотографий, находящихся в свободном доступе в сети Интернет.

Серия: Антитеррор. Герои мирного времени

ИСТОРИЯ ПОДВИГА
ОТКРЫТЫЙ ДНЕВНИК 2

От автора-составителя

Дорогие ребята, как и в первой книге «История Подвига. Открытый дневник», в нынешней, второй по счету, собраны рассказы о людях, которые живут или жили рядом с вами — в соседней квартире, на вашей улице, в вашем городе. Нами было принято решение оставить написанное для первого сборника Предисловие для этого и последующих изданий серии. Почему? Во-первых, кому-то первый «Открытый дневник» может просто не попасться на глаза, и он начнет знакомство с более поздних выпусков. А во-вторых, (хотя, может быть, как раз, во-первых) трудно переписать по новой слова, продиктованные голосом сердца, да и не к чему это. Так что, открыв книгу, постарайтесь снова (а кто-то из вас — впервые) настроиться на волну «Дневника». И хотя бы на мгновение посмотрите на окружающий мир глазами его героев — истинных героев огромной страны, которым и посвящено наше повествование.

А.Г.Леднев

Да, они из взрослых, хотя кому-то из них сегодня по-прежнему лет не намного больше, чем вам. Ведь судьба распорядилась так, что кто-то навечно остался молодыми…

Жизнь скоротечна, чего в прекрасные школьные годы не осознаешь. Через это непонимание в свое время проходит каждый, потому что она, твоя жизнь, вся еще впереди — прекрасная и долгая. И как-то не задумываешься, что ведь кто-то должен помочь сохранить её навсегда именно такой: доброй и без боли утраты. Вот они ее охраняют и сохраняют — те люди, кто рядом с нами, незаметные в наших повседневных заботах, но чьи поступки мы даже в мирное время называем подвигом. А ценой подвигу, порой, становится их жизнь, отданная взамен наших, сохраненных ими жизней.

Вы когда-нибудь задавали себе вопрос: а что такое подвиг?

В толковом словаре Ушакова «подвиг» (с ударением на первом слоге) значится как «доблестный героический поступок. Важное по своему значению действие, совершенное в трудных условиях». Но, согласитесь, что свершившие это «действие» меньше всего думали о том, что совершают нечто. Создалась ситуация, в которой они не струсили, не спрятались за спины других, а выполнили свой человеческий и гражданский долг. Потому что в основе любого подвига лежат воспитание и ответственность, человеколюбие и верность долгу, личное мужество и патриотизм. И то самое «действие–чувство», о котором писали многие из героев в своих воспоминаниях, заключенное в одну короткую, простую и предельно понятную фразу: если не я, то кто?

В этой книге мы расскажем о военном подвиге в мирное время. Испытывая одновременно непроходящую боль утраты и чувство гордости за наших современников, о которых язык не поворачивается сказать, что они были. Нет, они вечны, как и память о них. И никогда не сотрутся слова, оставленные на стене разрушенной школы в Беслане не чьей–то рукой, а благодарным сердцем: «АЛЬФА, ВЫМПЕЛ спасибо за то, что вы спасали наших детей».

Другой борьбы против терроризма, как борьба не на жизнь, а на смерть, не бывает. Именно он — самая страшная болезнь нашего времени. Болезнь, которую не победить никаким лекарством, кроме как человеческим фактором. Ведь если вдуматься, то люди всей планеты Земля — заложники этой самой битвы. Вот почему так необходимо всем нам объединиться против зла, у которого нет лица и нет национальности. Как нет и будущего. Потому что оно разрушает, а не созидает, стремясь посеять в нас страх и ввергнуть страны в хаос. У этого зла нет и не может быть духовной опоры, потому что ни в одном священном писании не найдете призыва — пойди и убей ближнего своего. Наоборот: жизнь каждого человека священна.

В Национальном антитеррористическом комитете России собрано немало материалов, посвященных подвигу в мирное время. Среди свершивших его не только люди военных профессий, но и мирные жители, принявшие неравный бой и победившие смерть. Многие представлены к званию «Герой России», орденам и медалям. Их именами названы улицы, школы, корабли. Но главное, что есть и навсегда останется в людских сердцах, так это Память о них и наша величайшая Благодарность за то, что они сделали.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗНАКОМСТВА

Да-да, это всё тот же я, Вениамин Соколов, будущая звезда отечественной журналистики — шучу-шучу, хотя вдруг на самом деле удастся в люди выбиться, во всяком случае, я постараюсь. По-прежнему отдаю свободное время процветанию общегород-ской газеты «Ученик», а несвободное — ударной учебе в родном 8 «Г». Правда, может, мне только кажется, что ударной, хотя троек нет, и на том родным учителям спасибо. Так что в моей биографии за те полгода, что прошли с нашей предыдущей встречи — публикации первой части «Открытого дневника» — мало что из-менилось. Хотя, нет… Вся наша анапская компания настолько сдружилась, что по скайпу общаемся чуть ли не каждую неделю. А на весенние каникулы всем коллективом рванули к Илоне и Виталику Капустиным в Питер. Их отец, мужик, конечно, классный. Поселил нас всех в их трехкомнатной квартире на Шпалерной улице, дочь и сына на неделю перевел к бабушке… в соседний дом, а сам на это время перебазировался к друзьям. Единственный, кто не смог выбраться в город на Неве, так это Иса Гареев – у него как раз начался очередной чемпионат по вольной борьбе. А Васька Рыжий, повторю для тех, кто забыл, фамилия у него такая — Рыжий, ну, помните, наш настоящий клоун, ради такого случая даже ногу подвернул на репетиции (опять шучу, нет, он

взаправду подвернул, но не специально), и потому прикатил лечиться душой и телом аж из Сыктывкара, где со своими выступал на гастролях. С гордостью сообщил, что вместо себя оставил младшего брата. Тот так хотел в их семейный акробатический номер войти полноправным членом, что по секрету посоветовал Ваське в Питере и вторую ногу на мартовском ледке подвернуть и отдохнуть как положено, не неделю, а сразу две-три, и никуда не торопиться.

— Хороший мальчик, современный, - прокомментировал ситуацию Миша Волков. – Смотри Васенька, вернешься, а место уже тю-тю, занято.

— Миша, — хитрый Рыжий расплылся широкой улыбкой, — ты просто не знаешь, что достигая определенного возраста каждый из нашей семьи, хочет он того или нет, отправляется в цирковое училище за профессиональным образованием. И при этом обязан подготовить себе замену. Вовка, я тебе скажу, давно готов. Даже посильнее меня будет. Но он пока самый младший, мама за него переживает, отец, глядя на неё, Вовку тоже не особо нагружает, а когда меня нет, то и выхода у них не останется, кроме как по полной его в номер вводить.

— А ты, значит, после восьмого в училище?

— Ты просто Шерлок Холмс, Миша, — с деланным удивлением покачал головой Рыжий. — Мне бы твою интуицию типа дедукцию. — Но, если честно, то я уже переросток. За восьмой экзамены сдавал в прошлом году. Когда три месяца сидели на гастролях в Воронеже. А когда с октября новую программу начали репетировать, а это, заметь, часов двенадцать каждый божий день, пришлось на год взять «академку». Посоветовался со своими, они, конечно, лентяем обозвали, но после всем коллективом пришли к выводу, что перерыв будет все-таки необходим, иначе есть шанс сойти с ума. Причем, сразу всем. Я — от того, что одновременно в двух местах быть не смогу, они — от меня, такого вот сверхзанятого. А теперь на секундочку представь, что может учудить семейка сумасшедших клоунов-акробатов. Это ж тихий ужас.

Их по-дружески добрый диалог прервал призыв Виталика – всем собраться в гостиной, где они с Илоной введут нас в курс дела. Да, чуть не забыл: мы ж приехали не красиво бездельничать, а как правильно подметил Женька Яковлев, «за продолжением темы, которая полгода назад с легкой руки Капустиных каждого из нас чуть-чуть, но переродила». Кстати, Женькина мама наконец-то выздоровела, у него появился отчим, настоящий полковник, и прикатил Як в Питер с новым ноутбуком, навороченным до такой степени, что, казалось, скажи тому волшебное слово, он сам всё, что надо, найдет и исполнит.

Стол в гостиной Капустиных (огромный, дубовый и круглый) имел имя собственное: «Чтобы никому не было обидно». Сокращенно — «чнинбо». Итак, за этим самым неподъемным «чнинбо», который непонятно каким образом избежал превращения в дрова во время блокады Ленинграда, и за которым еще прадедова семья Илонки и Виталика сиживала, собрались уже известные вам по первой книге персонажи. Женька Яковлев из Ульяновска – юный компьютерный гений. Во всем конкретный Мишка Вол-ков — изобретатель и рационализатор. Вася Рыжий — артист цирка, лауреат международный премии «Серебряный клоун» в Монте-Карло. В десятый раз повторюсь: фамилия у него такая, а не цвет волос. Розалинда Валеева из Казани, которая уже знает шесть языков, экстерном и с золотой медалью окончила школу, досрочно была принята в Университет на филологический факультет и сейчас в свои неполные шестнадцать учится на втором курсе. Роза, чтобы в наши школьные каникулы в Питер вырвать-ся, на месяц раньше сдала сессию. Хотя, наверное, могла бы сра-зу две сдать. Говорит, что собирается расправиться с институтской программой за три года, только пока не определилась, на чем дальше сконцентрируется. Стасик Горбатко — композитор из Екатеринбурга. Пишет песни, которые исполняют взрослые звезды эстрады. О себе говорит, что является непонятным продуктом непонятной эпохи: папа — бизнесмен, мама — бизнесвумен, предки со стороны отца и матери всю жизнь вкалывали на Уральском заводе тяжелого машиностроения, никто, никогда

и никакого отношения к музыке не имел. Во всяком случае, так ему сейчас говорят. А началось с того, что бизнесродители, чтобы по пустякам не приставал, пятилетнего Стасика оснастили пианино, с той поры и пошло-поехало. Рома Синицын у нас тоже по музыкальной части: лауреат теперь уже не одного, а двух или даже трех конкурсов юных скрипачей. В Питер заявился с собственной скрипкой. Всем объявил, что каждый день, чтобы ни нас, ни соседей не нервировать, будет вставать в шесть утра и уходить тренироваться на берег Невы, простор пойдет чувствовать. Второй день мы здесь, и первую ночь Ромка отхрапел будь здоров. Я сам хотел его в шесть поднять, чтобы на простор отправить. Мишка не дал. Сказал, что сегодня простим, а дальше посмотрим.

Виталик и Илона Капустины, их отец, офицер запаса Александр Иванович Капустин, – это наши радушные хозяева. О себе любимом не вспоминаю, ибо представился в самом начале. Как уже рассказывал, познакомились мы в оздоровительном лаге-ре в Анапе прошлым летом, когда умные дяди из Минобрнауки решили собрать в один отряд юные дарования со всей России. Ну, и я туда как бы случайно попал. А чуть позже подъехали с отцом Илона и Виталик. Но не как гениальные или, по меньшей мере, все из себя талантливые, а чтобы нам, занятым своими проблемами, рассказать о Подвиге. О Человеке с большой буквы. И тема эта с такой силой прихватила нас за живое, что ни я, ни ребята, когда Илона с Виталиком сообщили, что хотят всех пригласить на каникулы в Питер, и отец эту их идею полностью поддержал, не раздумывали ни секунды. Тем более, что ничего конкретно не объясняя, они сказали, что есть идея. Лич-но мне, конечно, хотелось увидеть Илонку. По Питеру с ней по-бродить. Да и ленинградских родственников по маминой линии целую вечность не навещал. Однако, движущей силой нашего нового сбора все же должно было стать обнародование этой самой идеи. Несложно было догадаться, что она, так или иначе, коснется темы Подвига. Но вот как именно, об этом сей момент и предстояло узнать.

24 ЧАСА НАЗАД

Когда приняли решение, что собираемся на каникулах в Питере, первым делом пришлось получать родительское благословение. Здесь всю подготовительную работу взял на себя Александр Иванович Капустин. Мы скинули Витальке домашние и мобильные телефоны предков, и Александр Иванович лично им перезвонил, познакомился, объяснил, что едем не абы куда, а к нему с детьми в гости, и что за каждого он несет персональную ответственность. Вася Рыжий потом рассказал, что его батяня, поговорив с Капустиным пять минут, произнес историческую фразу: «Военный человек. Правильный и четкий. Его видеть не обязательно, чтобы доверием проникнуться, по голосу сразу ясно».

Рома Синицын, как и я, из Москвы. Договорились, что его отец заказывает два билета на скоростной «Сапсан», тот в час дня с Ленинградского вокзала уходит, а встречаемся в полпервого у касс дальнего следования.

На вокзал меня привез отец. Его — тоже. На оговоренное место прибыли почти одновременно. Поздоровались, и замечаю, что его батька неотрывно смотрит на моего, а мой, в свою очередь, на Ромкиного. Нас как бы уже и нет. И вдруг в их исполнении слышим:

— Генка!

— Иван!

Оказывается, оба, пребывая в нашем сегодняшнем возрасте, а, может, еще и раньше, шесть лет играли вместе на первенство Москвы за футбольную школу ЦСКА. Чуть ли не дружили. Один — вратарь, другой — защитник. После — институт, работа, и постепенно потеряли друг друга из виду. И вот почти через двадцать лет вновь встретились.

— Ладно, — говорю Ромке, пока наши взахлёб вспоминали и обсуждали прошлые годы, — мы теперь, можно сказать, почти родственники, но дело остается делом — двигаем на поезд пока

не опоздали. Тут и отцы спохватились. Скоренько сопроводили нас до вагона, усадили в похожие на авиационные кресла, напомнили, чтобы не забыли перезвонить, как только доберемся до Питера и нас там встретят, и веселые, говорливые и довольные… испарились.

— …Не, — сказал Ромка, — скрипку в ящик класть не буду. Она всегда со мной только на руках.

— Зачем взял, не мог недельку отдохнуть, как нормальный человек?

— Нельзя, Вень, отдыхать, пальцы задубеют, чувствительность потеряют. Каждый день — два часа минимум. Меня лишь с этим условием мой педагог и отпустил.

— И что, ежедневно будешь страдать?

— Почему страдать? — Удивился Ромка. — Мне нравится. Я, наоборот, отдыхаю и жизнью заряжаюсь, когда играю.

— Понял. Тогда сиди, мысленно играй и медитируй. А у меня неотложка. Обещал Виталику кое-какой материал привезти. Батареи ноутбука, надеюсь, на четыре часа дороги хва-тит, чтобы закончить.

— О чем пишешь?

— О подвиге.

— Дашь почитать?

— После.

— И на том спасибо, — легко согласился Ромка, откидывая спинку сидения в положение сна, и сладко позевывая. Но скрипку при этом зажал намертво. В голове промелькнула мысль о бутерброде, который почему-то всегда падает маслом вниз. И если рассматривать Ромку и скрипку как бутерброд, то масло в их негастрономическом единении, однозначно, всегда Рома, отважно принимающий удар на себя.

Раскрыл ноут. Включил диктофон, нацепил микрофонную гарнитуру на ухо. Виталик предупреждал, что в материалах главное не художественная, а фактическая ценность. Поэтому почти дословно взялся за пересказ трех историй, которые услышал от студента МГУ Паши Осмолова, идейного вдохно-

вителя нашей замечательной газеты «Ученик», которую он со старшекурсниками организовал при факультете Журналистики. Паша и стал инициатором моей командировки в Анапу прошлым летом. Когда отдал ему на редактуру первый репортаж о ребятах, с которыми там познакомился, и теме подвига, что открыли нам Виталик с Илоной, он, прочитав, согласно мотнул кучерявой головой:

— Правильный подход. Одобряю. Не зря съездил.

А вечером, сдав очередной номер, перед тем как отправиться по домам, мы по традиции пили круто заваренный липовый чай с плюшками из знаменитой Филипповской булочной, и Паша вспомнил несколько пронзительных эпизодов. Один он услышал от своего отца, другие — от парня, когда снимал для «Военфильма» сюжет о спецназе.

Пионерка

Это случилось еще при советской власти, считай, лет сорок назад. Мой отец тогда работал на буровой платформе в Охотском море, недалеко от Магадана. Три месяца там, три месяца дома. Его товарищ, инженер, как-то заболел. Его переправили в Магадан, а когда через несколько недель вернулся, то рассказал вот какую историю.

По каким-то рабочим делам, перед самой выпиской, он поехал в поселок Армань, это километрах в пятидесяти от Магадана. Старый, раздолбанный ПАЗик был забит полностью, в салоне человек тридцать, женщины с детьми. Где-то на полпути вдруг треснуло и разлетелось стекло водительской кабины. Выстрел слышали немногие. Автобус сразу встал. Дорога почти пустынная, ни одной машины ни навстречу, ни позади. В салон ворвались двое мужиков, вооруженных обрезами. Один сразу приставил ствол к голове водителя и приказал сворачивать на еле заметную грунтовку, которая уходила в сопки. Второй, навел оружие на людей, сидящих в салоне, и заорал: «Не двигаться! Кто шевельнется, стреляю!».

Магадан — край помимо того, что золотодобытчиков, еще и лагерный. Различные происшествия, о которых в газетах той поры, понятное дело, не появлялось ни строчки, случались нередко. Но чтобы вот так, средь бела дня захватывали автобус с людьми, такого даже старожилы не помнили.

Люди в салоне автобуса начали волноваться. Мужчины в основном расположились на дальних сидениях, оставив передние женщинам и детям. Народ в Магадане не на манной каше взращен; как сейчас сказали бы, толерантности не обучен, но чтобы против пули пойти с голыми руками, надо ведь всё взвесить и просчитать.

Бандит, который держал на прицеле людей в салоне автобуса, видя, что они зашевелились, выхватил из рук, сидя-щей перед ним женщины девчушку лет двух-трех. Когда мать вскочила, чтобы броситься на него, ударил ее в лицо прикладом. Женщина, охнув, упала обратно на сиденье, а он, приставив обрез к спине плачущего ребенка, зло выкрикнул:

— Сидеть! Пристрелю!

Все, кто были в автобусе, замерли. Одно дело, когда повзрослому вопросы решаются, и совсем другое, когда разменной монетой становится жизнь ребенка. Тут уже не до личного героизма.

Как рассказывал товарищ отца, перед ним сидела девчонка класса пятого-шестого, в школьной форме – летом это случи-

лось, — в пионерском галстуке, волосы на затылке резинкой в «хвостик» стянуты. Обыкновенная ученица, ничем не примечательная, он и лица ее толком разглядеть не успел. Вдруг она встала, и по проходу между сиденьями, хватаясь за их спинки, чтобы не упасть — на грунтовке автобус прилично трясло — не говоря ни слова, направилась к бандиту.

Тот, в первый момент никак не отреагировал — ну, что эта пигалица может ему сделать — и секунду-другую тоже молча смотрел на ее продвижение. Затем опомнился:

— Куда?!

А что там по салону пройти — метра три всего. И вот она уже около него, уперлась грудью в обрез, и, глядя прямо в глаза, тихо произнесла:

— Стреляй. Только отдай ребенка.

Несколько мгновений они вот так смотрели друг на друга. После чего бандит резко швырнул девчушку ей на руки, да с такой силой, что обе упали в проход. Он же, переведя ствол на салон, вновь заорал:

— Сидеть, все живы останетесь!

Те, кто были рядом, помогли девочке подняться, и она, не выпуская малышку из рук и крепко прижимая к себе, села на свое место…

Конец этой истории был таким. Минут через пятнадцать над автобусом закружили два вертолета и голос «с небес» приказал остановиться. Бандиты начали озираться, тот, который был в кабине и держал на мушке шофера, даже выстрелил сквозь разбитое стекло. А на заднем ряду сидели два молодых парня, одетые в простую гражданскую одежду, в легкие летние курточки, – ничем не примечательные ребята. Оба оказались офицерами. Причем, при табельном оружии. Возвращались из Магадана к месту службы. И как только увидели, что концентрация бандитов ослабла, то, выхватив свои «макаровы» и одновременно крикнув всем нам «на пол!» — хотя какой там «на пол», никто толком ничего понять не успел — открыли прицельный огонь. Слава Богу, что расстояние оказалось убойным, и никого по случайности не задело.

Он не должен был умереть

Когда дорабатывал сценарий о работе нашего спецназа в Чечне, — продолжил рассказ Паша Осмолов, — познакомился с парнем по имени Олег. — Ни фамилий, ни названий географических в моем рассказе, как понимаешь, не будет, да, если честно, я и сам их не знаю. Олег и Олег, на этом все личные сведения исчерпываются. Он только вышел из госпиталя после ранения, и какое-то время оставался в Подмосковье на реабилитации. А чтобы не скучал, его определили консультантом на наш фильм. Мне кажется, что потихоньку мы с ним прониклись друг к другу, скажем так, доверием, и я услышал от него о нескольких эпизодах, которые непосредственно к Подвигу, казалось бы, отношения не имеют, но запали мне в душу всерьез и надолго. Дословно те наши разговоры сейчас вряд ли сумею воспроизвести, так что перескажу своими словами. Что-то в них, наверное, не будет соответствовать специфике армейской и военной терминологии, но, как говорится, чему не обучен — тому не обучен.

Сергей Русин был нашим с тобой коллегой, журналистом. Учился в Университете. При поступлении на дневной факультет не добрал на экзаменах пару баллов, был принят на вечерний, и устроился работать в заводскую многотиражку на металлургический комбинат. В деканате ему пообещали, что если успешно сдаст весеннюю сессию, то переведут на дневной. А тут дополнительный спецнабор по линии военкомата, и он сначала попадает в учебку, а через месяц, в составе батальона связи, в Чечню. Его определили в полковую разведку, которая какое-то время базировалась рядом с отрядом спецов-контрактников. Разница в возрасте между ребятами небольшая, зато в плане военного опыта — огромная. Еще месяц назад, читая о контртеррористической операции в газетах, Сережа не представлял себе даже тысячной доли того, что это на самом деле. Первая смерть товарища повергла его в шок. Вот они вдвоем только что перебегали такую мирную зеленую поляну, по которой порхали бабочки и трудились над распустившимися цветами пчелы, как вдруг громкий хлопок, неведомая сила пружинисто бьет в бок, и он отлетает на несколько метров, пытается понять, где он и что с ним, но в ушах завязла тугая тишина, а в голове гул, будто внутри поселился самолет. Именно так Сергей рассказывал Олегу о своем боевом крещении. Немного придя в себя, ползком вернулся назад, скатился в небольшую воронку от мины и увидел своего товарища, чуть ли не пополам разорванного взрывом. Серегу стошнило. Первым желанием было заорать и броситься вон отсюда, куда угодно, но только подальше от того, что увидел. Наверное, это и был страх в своем первородном виде. Но его подавило чувство самосохранения. Минут двадцать Сергей по сантиметру, ползком добирался до рощи, где окопались ребята из его взвода. Лейтенант спросил:

— Жив? — и получив в ответ утвердительный кивок, добавил, — значит, не умрешь.

Дождавшись сапера и взяв двоих из взвода, лейтенант пополз за телом товарища.

Контузия Сергея оказалось легкой, осколок мины отхватил лишь полкаблука на левом сапоге. В медсанбат не пошел, постеснялся, хотя ему и советовали — прикинься побольнее, в город, а то и домой отправят, комиссуют. Зато сапоги выдали новые.

Чуть позже узнал, что тогда они нарвались на случайную «противопехотку». Бандиты в основном растяжки ставили, определить которые тоже было не простым умением.

Спецы смотрели на войсковых не то, чтобы равнодушно или свысока, просто поводов для общения между ними не было. Но Серега ведь журналист. И в свободное от воинской работы время зачастил к соседям. Благо дойти — дорогу перейти, метров пятьдесят не больше. Правда, в первое же его дружеское посещение, был взят под белы ручки и прямехонько доставлен в палатку к командиру отряда. Кто такой, почему здесь, а не там, где положено быть? Документы вытрясли на стол, вместе с ними и удостоверение заводской газеты, которое он всегда носил при себе. Командир внимательно рассмотрел красную корочку с белыми буквами «пресса» и коротко бросил:

— Журналист, что ли?

— Так точно.

— Давно я вашего брата здесь не видел.

Помолчали. Командир, еще раз переворошив лежащие перед ним бумаги рядового Сергея Русина, пододвинул их к нему:

— Можешь взять, и свободен. — И приказал стоящему у полога палатки крепкому светлоголовому парню, — Олег, присмотри за ним.

Так они познакомились: Сергей и Олег.

А прозвище «журналист» так и закрепилось за Серёгой среди спецов. Иногда, под настроение, когда ему удавалось ненадолго вырваться в их расположение, они учили его уму-разуму. По лесу идешь, передвигай ноги как на лыжах, будто скользишь, тогда ни одна ветка не хрустнет. Шепотом старайся не говорить. И в лесу, и на открытой местности он при полной

тишине слышен не хуже крика. Наступательный бой начался, гранату бросил метров на пятнадцать, схоронился, сразу после взрыва — рывок до воронки. Очередью бьёшь, руки не напрягай, иначе вверх поведет… Серёга внимательно слушал, задавал вопросы, но почти всегда в конце звучал их «приговор»: нет, парень, как был ты гражданским, гражданским и остался – думаешь много, да и доброты в тебе через чур…

Олег знал, что Сергей ведет дневник, хотя начальством это категорически запрещалось:

— Дело, конечно, твое, я в ваш огород лезть не собираюсь, но запомни сразу — чтобы никаких имен.

Сережа как-то показал ему написанное. С улыбкой смотрел, как Олег пытается хоть что-то понять, глядя на отдельные и не связанные между собой слова.

— Шифруешься что ли?

— Нет. Каждое слово — ключ к эпизоду, который вот тут, – Сереге постучал себя пальцем по лбу. — Когда всё здесь закончится, и многое можно будет рассказать, сразу вспомнится.

Но человек предполагает, а судьба располагает. И никому не дано знать, что с ним будет не то, что через месяц или год, а завтра. Тем более, когда чуть ли не каждый день — бой.

Одна из банд боевиков не смогла пройти тропами, которые ей перекрыли, и вышла точно на стык между полком Сергея и отрядом спецов. Впереди основных сил скользили их разведчики. Сергей в ту ночь был определен в дозор. И опять же судьба распорядилась по-своему — ему отвели самую ближнюю к спецам позицию. Замаскировался. Луна изредка проглядывала сквозь медленно ползущие облака, и тогда пейзаж вокруг становился не черным, а серо-синим, и можно было что-то увидеть, а не только услышать. Вдруг справа, метрах в тридцати, совсем не по-ночному взвизгнула птица. Сергей пристальнее вгляделся в темную полосу низкорослого далекого леса, как раз блеснул лунный свет и вырисовал перемещение каких-то размытых пятен. Мозг сразу отбросил все лишнее, скомандовав: внимание, это враг. После чего сра-

ботали инстинкты. Но уже не того Сережи Русина, который от животного, непознанного ранее страха чуть не потерял сознание, когда увидел подорвавшегося на мине товарища, а человека, осознающего, что и как нужно делать в каждую единицу отпущенного тебе времени. Подвесить ракету над местом передвижения боевиков — не самый лучший вариант: замрут, а затем незамеченными уйдут в «зеленку». Да и сколько их там. Скорее всего, одна из мобильных диверсионных групп, человек пять-шесть максимум. О том, что это разведка отряда почти в двести человек, он даже не мог и предположить. Решение пришло мгновенно. Совершенно неожиданное. Прицелился и послал из ракетницы сверкающий заряд не вверх, а в очередную тень, на секунду обрисованную лунным светом, тем самым как бы задавая направление сосредоточения огня для других наших бойцов. И сразу же автоматными трассирующими линиями огрызнулась в ответ темная полоска леса. Сделав выстрел, Сергей заученно перекатился на пару шагов в сторону, дал очередь из автомата и снова сменил позицию. Рядом рванула граната. Он почувствовал, как онемел левый «контуженный» бок, и спокойно так подумал, а точнее, принял как должное, что с этой «лежки» ему уже не сойти. Но страха не было. Как не было боли и азарта схватки. Он просто знал, что надо во что бы то ни стало продержаться, пока не подойдут свои. Не прошло и полуминуты, как кусок только что спящей природы, диаметром метров в сто, превратился в какое-то адское варево. Стрельба, казалось, велась со всех сторон; ее перекрывали редкие взрывы гранат вперемешку с резкими гортанными выкриками, удаляющимися в сторону «зеленки».

— Наши «ловушки» засекли их минут за пятнадцать до того, как Сергей открыл огонь, — продолжил рассказ Олег. — Командир приказал не открываться до последнего, чтобы понять, с какими силами имеем дело. — А потом тот выстрел из ракетницы с фланга войсковой разведки, что базировалась рядом. Дальше маскироваться не имело смысла. Боевики оказались как бы в «подкове». Слева по ним заградительным огнем ра-

ботали ребята из разведки, справа — мы, а чуть выдвинутым к середине оказался тот парень, который выстрелил из ракетницы. Когда инцидент закончился, и основным отрядом бандитов занялись «вертушки», мы его нашли. Я будто заранее знал, что это Серёга. Хотя до последнего надеялся, что не он. Но на войне обостренное чувство потери подводит редко. Осколками его лишь ранило. Пуля его убила, снайперская пуля. Точно в сердце вошла. А ведь если разобраться, основной огонь он принял на себя… Когда стоял над ним — лицо у него такое спокойное, детское, будто спать человек прилег — я тогда, наверное, впервые подумал, пусть меня бы ранило, но он бы в живых остался. Раньше никогда такое в голову не приходило. Видать, зацепил чем-то …

Дом сержанта

— Во время нашей работы редко что может удивить, — сказал Олег Паше Осмолову, когда случайно услышал от кого-то из киногруппы фразу: «это просто удивительно!». — Работа такая, что удивлению в ней места нет. Голова занята выполнением задачи. Но многих наших ребят, разное повидавших за время командировок, один случай заставил, мне кажется, по иному взглянуть на срочников, вчерашних школьников, которые пороха еще понюхать не успели, однако проявили себя по-настоящему, по-взрослому.

Мы работали против банды в одном из сел. Как потом выяснилось, ее костяк составляли наемники, для которых не было разницы против кого применять оружие: против нас или мирных граждан – и те, и другие для них просто мишени. К задаче нас подключили после того, как бандиты, взяв в заложники человек двадцать местных жителей, в основном, женщин и детей, потребовали беспрепятственный проход в горы. Об операции особо рассказывать нечего, прошла и закончилась в штатном режиме. Заложников освободили, саперы, молодцы, сработали, как часы, без секунды промедления. После боя одна из женщин, отчаянно жести–

кулируя, чуть ли не бегом повела нас на окраину села к разрушенному каменному дому. Похоже, что его взорвали фугасом. Все четыре стены дома сложились внутрь, крыша, рассыпавшись, накрыла их сверху, и все это напоминало холм, испещренный темными провалами и щелями. Только подошли, как откуда-то снизу прогремела автоматная очередь. Стреляли не на видимость, а на голос, поэтому никого не задело. Мы залегли. Женщина что-то закричала на своем горском языке, заплакала, запричитала. А потом уже прокричала понятно:

— Русский, не стреляй! Русский не стреляй! — и вновь что-то сквозь слезы зачастила по-своему.

Командир крикнул:

— Эй, кто там есть? Здесь — свои. Выходи!

В ответ молчание. Только женщина закричала уже нам:

— Это ваши, ваши! И мои дети там!

Хотя, глядя на эти руины, трудно было предположить, что под ними мог остаться кто-то живой. Впрочем, автоматная очередь свидетельствовала об обратном.

— Выходи! — Вновь потребовал наш командир. — Даю тридцать секунд на выполнение.

— Понимаешь, Павел, — продолжил Олег. — Многим известна по кинофильму фраза: на войне, как на войне. Лучше не скажешь. Она всё в себя вобрала, в том числе и разумную осторожность.

— Не могу, — долетел до нас глухой голос. — Если свои, пускай, кто-то один, но без оружия.

Командир передал мне свой автомат и, что-то решив для себя, а, может, и приходящее с боевым опытом чутье сработало, уже не таясь, полез по нагромождению камней, ориентируясь на недавний голос.

— Солдат, ты не молчи, говори, иначе как тебя здесь отыскать?

— Правильно идешь, не боись, сейчас увидишь.

Через несколько метров открылась довольно широкая щель, уходящая под углом к основанию завала.

— Покажись, - потребовали изнутри.

— Видишь меня? — Командир приблизил лицо, пытаясь разглядеть, человека, притаившегося внизу.

— Вижу… Только двигаться я не могу, ног не чувствую… Вытаскивайте нас отсюда. Дети и женщины живы, в погребе они…

Минут через двадцать всё село и большинство военных, совсем недавно осуществлявших операцию по ликвидации банды, работали на этом завале. Кто-то из местных пригнал трактор, и особо большие блоки со всевозможной страховкой стаскивали тросом. Впрочем, это уже не нужные подробности. Когда откопали солдатика, он еле мог говорить. Пока ожидали «вертушку», чтобы переправить его и других раненых в госпи-таль, все же успел кое что рассказать.

Их отделение, шесть человек, пришли в село на рассвете. Все молодые, в армии всего полгода, на Кавказе — меньше месяца. Задача была предельно ясной: организовать временный наблюдательный пункт. Бандиты в этом селе не появлялись ни разу. А тут через час возник отряд человек в тридцать, точно знающих, чего или кого ищут. Но скорее — ожидают.

Потому что помимо автоматов притащили крупнокалиберный пулемет и пару минометов. Конечно, их интересовала дорога. Ребята, под руководством такого же молоденького сержанта, как и учили, успели занять круговую оборону в самом большом двухэтажном доме, с которого прекрасно просматривалась перспектива. Увидели боевиков, когда те со стороны горной гряды цепочкой входили в село. Доложили по рации о приближающемся враге, и что несколько человек уже минируют дорогу. В ответ им приказали вести наблюдение, в огневой контакт не вступать, помощь выходит. Так началась операция, нас подтянули.

В том доме были две женщины, старик и восемь детей, совсем маленьких, от годика лет до шести. Сержант приказал им покинуть помещение, хотя прекрасно понимал, что тем самым раскрывает свое местонахождение. Но парень был правильно воспитан: женщины и дети в войне не участвуют. И еще понимал, что господствующую над дорогой высоту боевики без внимания не оставят, и момент их прихода сюда исчисляется минутами. Когда бандиты поймут, что обнаружены, скорее всего, обратно в горы сразу не уйдут, попытаются отыграться на них. Женщины что-то лопоча, начали быстро собирать разные тряпки, увязывая их в узлы. В это время по дому ударил крупнокалиберный пулемет, круша стекла, рамы, нехитрую утварь. Влетев в окно второго этажа, ухнула мина. Куски камня обрушились вниз.

Закричали женщины, заплакали дети. И только старик бесстрастно продолжал сидеть на корточках в углу. Затем легко вскочил на ноги. Выкрикивая что-то грозное на своем, непонятном языке и распахнув пока что чудом уцелевшую дверь, вышел во двор, яростно размахивая руками. Но не прошел и двух шагов, как очередной пулеметной очередью кровавым комом был отброшен на стену.

— Подвал? Здесь есть подвал? — Сержант схватил за руку, метавшуюся по комнате женщину.

— Бери детей, и прячьтесь!

Но крышку подпола завалили обрушившиеся сверху камни. С помощью двух бойцов сержант растащил большие куски, женщины, обдирая в кровь пальцы, растаскивали, что помельче. И это под не прекращающимся обстрелом, ибо передышка наступала, лишь когда им с нескрываемой издевкой кричали:

— Русский, выходи! Убивать не будем! С нами пойдешь!

Подвал, на счастье, сумел вместить всех гражданских. Дети сжались комочками, женщины тихо плакали, опустив головы.

Сержант в последний раз глянул на них, и, прошептав, — дай Бог, чтоб уцелели, — опустил тяжелую крышку.

Ребята продержались около получаса. Они бились как надо, честно, до конца. Последним из них остался тот самый сержант. Когда боевики увидели, что отход в горы им начали перекрывать две наши заставы, то фугасными гранатами превратили дом в братскую могилу, однако уйти уже не успели. Сержант чудом уцелел. Хотя я даже имени его не знаю. Как-то невдомек было спросить. Он пока лежал на носилках, всё просил, чтобы его ребят разыскали, вдруг кто еще живой. Мы их всех откопали. Но в живых, как уже сказал, остался лишь сер-жант. Когда дом рушился, его засыпало, и он, похоже, повредил позвоночник. Он не помнил, как это случилось. Очнулся в тот момент, когда услышал голоса. Наши голоса. И в том полу-беспамятстве дал очередь, благо руки работали, и автомат не раздробило.

А женщины и дети — все живы остались. Местные и сами догадались, что их надо в подполе искать. Со скрежетом выбрали крышку, камни ее вглубь вбили, но из женщин и детей никто даже царапины не получил, только испуганы были очень. Когда сержанта на носилках вносили в «вертушку», пожилая женщина, уж не знаю, кем она приходилась тем, кого ребята в подполе спрятали, сержанту руку поцеловала, какой-то амулетик или что-то там еще, что на шейной цепочке висел, сняла и ему на грудь положила. Только он опять без памяти был, не видел и не чувствовал ничего.

НОВЫЙ ПОВОРОТ

После того, как мы все расселись за дубовым капустинским «чнинбо», Илонка разложила перед каждым по листу бумаги и авторучку, поставила сервизные чашки и налила кому чая, кому кофе — по желанию. Виталик в первых словах своего послания в массы передал привет от Капустина-старшего и его твердую уверенность, что свое ближайшее будущее мы в состоянии наметить и без взрослого присутствия.

— Идея такова, — Виталий обвел нас внимательным, чуть ли не рентгеновским взглядом, — мы тут подумали и решили создать Клуб «История подвига. Открытый дневник».

— Кто это «мы»? — по привычке встрял Рыжий.

— Не тупи, Вася, — рассудительно произнес Мишка. — Он и Илона, кто ж еще? Не мы ж с тобой, или Венька с Яком.

— Ребята, — вмешалась Роза. — Дайте человеку сказать, не видите, с мысли сбиваете.

Но за время нашего недолгого общения Виталик уже попривык к постоянным внутренним перепалкам — это раз; и с мысли его можно было сдвинуть разве что танком — это два.

— Из чего мы исходили, — продолжил он. — Прежде всего, важности темы для понимания, что такое Родина для каждого, и что мы все и есть наша Родина. И должны хранить ее, защищать и охранять. И все люди с самого раннего возраста должны знать о людях, которые ради каждого из нас — тех, кто мы есть сегодня, отдали свои жизни. Не знаю, как сказать по-другому. А что вас всех собрали, так подумали, что может получиться хорошая команда, какая в Анапе была, чтобы это дело начать. Понятно объяснил?

Илонка с надеждой глянула на меня, я в ответ склонил голову, что, вопросов нет, я — «за». Хотя, если честно, абсолютно не представлял организацию этого самого дела. Нутром понимал, что надо и что должно что-то хорошее в итоге получиться. Но как и с чего начать? Хотя, где наша не пропадала, потихоньку разберемся.

— Конкретизируй, генералиссимус, — Васька на своем листе изобразил огромный знак вопроса. — Я заметил, как Илона с Венькой переглядываются, видать, знают что-то такое, чего я не знаю. И мне обидно. Почему, если Рыжий, то в последнюю очередь, — чуть ли не со слезой в голосе протянул наш клоун, — ну, не может он не играть!

Но на Васькины приколы, когда речь шла о чем-то серьезном мы внимания уже давно не обращали.

— Виталий, ты ведь говорил, что в стране немало детских и взрослых организаций, большое количество сайтов, которые ведут подобную работу, и что с какими-то из них вы в постоянном контакте. Не получится ли дублирования? — спросил хорошо выспавшийся и от того всё четко схватывающий Рома Синицын.

— Конкретизирую, — по-военному четко отрапортовал Виталий, раскрывая лежащий перед ним ежедневник. — Только не перебивайте, пока до конца не расскажу. Итак, начинаем создавать максимально полную электронную базу по теме «Подвиг в мирное время». Понятно, что факты — для открытой печати. Работаем в этом плане со всеми — просим прислать имеющуюся информацию для того, чтобы она стала достоянием всех и каждого. Но главное, комрады, — это наш клубный поиск и обработка материалов, которые сегодня или мало известны, или неизвестны совсем. Своего рода исследовательская работа нашего небольшого отряда, который, я уверен, со временем станет намного шире и сильнее. Папа сказал, что поможет в организации встреч со своими коллегами, которые многое знают, сами прошли через эту тему. Параллельно начинаем работать над созданием печатных сборников для таких же ребят, как мы — нашего возраста и чуть младше. Как их будем издавать, я пока не знаю. Тут деньги нужны. Для начала где-то до ста экземпляров, сумеем сами размножить. Пускай это будет клубный самиздат, но с чего-то все равно придется начинать. И сразу налаживаем «пионерскую» систему распространения, я своим ребятам в школе в общих чертах

ситуацию обрисовал, обнадежили, что проблем не будет, если надо, полгорода поднимут, у каждого ведь свои друзья есть, а у тех — их друзья. Илона идею девчонкам рассказала. Ну, а дальше — посмотрим, здесь бы, в Питере, сначала осилить.

— Венькина роль ясна — он писать будет, начал было Стас.

— И не я один — перебил я зарождающийся монолог Стасика Горбатко. — Если все раньше делали вид, что якобы не знали, что Виталька документальные повести пишет, то теперь вскрываемся. Пора, раз дела такие намечаются. Или Роза не сможет? Или ты, Стас? Пробовать надо, а не только задания распределять.

Отступление первое

Отрывок из документальной прозы Виталия Капустина:

«Его звали Николай Студенков. Хотя, почему звали? И сейчас так зовут, и будут звать еще столько лет, сколько будет жить благодарная людская Память.

Он из томских комсомольцев. Настоящих комсомольцев, а не тех, кто делал партийную карьеру. Да и какая карьера в селе, откуда он был родом. Карьера там одна — работай на благо и живи так, чтобы стыдно не было. Жизненный путь простой и понятный, как прямая в ученической тетрадке между точками А и Б. Родился в селе Александровское, здесь же учился в школе, затем поступил в поселковое профтехучилище, начал работать трактористом в совхозе «Трудовик». Как и положено мужчине, два года провел на срочной службе в армии. После службы не подался в город или еще куда на заработки. Вернулся в свой совхоз и вновь сел в кабину трактора. Однако, прошло несколько лет, и судьба Коли Студенкова круто изменилась. По направлению районной комсомольской организации его приняли на службу в линейный отдел внутренних дел на станции Томск. Так стал Студенков милиционером. Затем были две непростые командировки в Чеченскую республику. Из второй командировки вернулся с орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени, как было письменно отмечено – за

доблесть и мужество, проявленные при выполнении оперативно-служебных задач в условиях, сопряженных с риском для жизни. Вскоре пришел черед и третьей. Впрочем, он сам этот «черед» для себя определил: мог бы и не ехать, как говорится, своё уже отдал, но рассудил, что его опыт может помочь товарищам - поможет остаться живыми и невредимыми, прежде всего тем, кто ехал в свою первую «горячую» командировку.

9 января двухтысячного года, утром, на станцию Аргун напали боевики. Главной их целью стало здание железнодорожного вокзала, где базировался штаб сводного отряда милиции Кузбасского УВД на транспорте. И как частенько происходило тогда, численность бандитов в разы превосходила численность нашего отряда. Нападающие работали «тройками» — снайпер, пулеметчик и гранатометчик. Открыли шквальный огонь внезапно, скрытно заняв позиции в близлежащих к вокзалу домах и заодно расположив по периметру засады, чтобы отрезать подразделения, которые пойдут на помощь кузбасским милиционерам-транспортникам.

Они хотели взять здание вокзала быстро, казалось бы, всё просчитали, но не вышло, не на тех нарвались. Уже несколько часов шел неравный бой. Атака за атакой огнедышащими и смертельными волнами накатывались на позиции милиционеров и там же разбивались. Видя, что сразу - никак, бандиты начали давить на психику: предлагали сдаться, клятвенно заверяя, что оставят всех живыми; засылали «парламентеров», обещавших то же самое, но расписанное куда более яркими красками. Однако проходили минуты затишья, и вновь начиналось огневое противостояние. И наступил момент, когда у наших подошли к концу боеприпасы. По несколько патронов на человека, вот и весь запас. Опытный и бесстрашный Студенков вновь решил для себя: если не я, то кто? Под шквальным, перекрестным огнем он, казалось, уже выполнил эту невыполнимую задачу, и ему оставалось всего-то с десяток метров, когда пуля снайпера ударила в голову. Неловко упал, истекая кровью. На некоторое время потерял

сознание. Когда пришел в себя, услышал крики ребят: «Коля, не шевелись!». Бандиты не стреляли по нему лишь по одной причине: были уверены, что сразили насмерть. Я не знаю, о чем в тот момент подумал Николай Яковлевич Студенков, какие мысли и какие образы захватили его память, да и никто этого уже никогда не узнает. Но отлежавшись несколько минут, он совершил свой последний рывок — рывок в бессмертие. Да, успел передать своим боеприпасы, но в тот же самый миг его настигла вторая снайперская пуля.

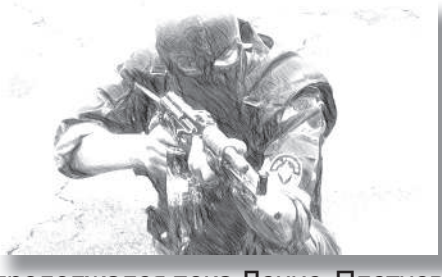
Отступление второе

Отрывок из документальной прозы Виталия Капустина:

«… я, обыкновенный питерский школьник, не видевший ни войны, ни блокады; не испытавший ничего такого, что оставляет на сердце не заживающие кровоточащие раны; мирно и сытно живущий в век компьютеров, айфонов и прочих больших и малых радостей, не раз спрашивал себя: а смог бы как они, ценою собственной жизни? И ни разу не ответил себе: да, смог бы. Потому что мозг, зная истории их подвигов, начинает в обратную сторону отсчитывать возможные варианты, и где-то глубоко-глубоко внутри приоткрывается щель, выпускающая страх. Нет сил представить, что всё прекрасное вокруг тебя вдруг навсегда

исчезнет, испарится, растает, как мираж, и ты никогда уже не будешь живым. Отец говорит, что поступок человека в каждое конкретное мгновение определяется его предыдущей жизнью. Он знает больше и видел больше; он терял боевых, преданных в горе и в радости друзей. Я же пока со стопроцентной уверенностью готов сказать: как же много отважных, великодушных, мужественных людей вокруг нас. Иногда хочется крикнуть на весь Невский: люди, всмотритесь друг в друга! И пускай всё хорошее в каждом из нас обретет единый для всех кровоток — мирный и правильный, и никогда не возникнет запись в личном деле, как, например, эта: Указом Президента РФ капитан Плетнев Денис Евгеньевич награжден Орденом Мужества (посмертно)…

Его отец был чекистом. Чекистом стал и сын. Можно сказать, начиналась династия, преданная Долгу и Отечеству. Боевики засели в одной из квартир типовой городской многоэтажки. В соседней квартире в то же самое время находились две женщины с тремя малолетними детьми. Когда началась операция, бандиты, пытаясь вырваться из кольца, ринулись по другим квартирам. Вот от автоматной очереди в упор, разлетелся замок очередной двери. За ней — те самые женщины и дети, и еще капитан Денис Плетнев, появившийся здесь чуть раньше, чтобы преградить отход боевикам. Мгновенно оценив ситуацию, капитан принял единственно верное решение: оттеснив всех гражданских в угол комнаты, приказал им лечь на пол, закрыл стоящим рядом диваном, сверху бросил матрац и мягкие детские игрушки. А сам занял оборону перед этим достаточно хлипким, но хоть каким-то заграждением, которое поможет уберечь от случайной пули и гранатного осколка. И держал эту самую оборону в течение нескольких часов. Всё это время в многоэтажке продолжался настоящий бой, ведь боевиков было больше десятка, и они пользовались любой возможностью, чтобы прикрыть свой отход мирными гражданами. Вот получил тяжелое ранение один из наших офицеров, занявший позицию неподалеку от Дениса. Плетнев и тут среагировал мгновенно: сразив бандита, уже нацелившего автомат, чтобы добить раненого, перетащил товарища за тот самый спасительный ди-



ван. И… остался один в окружении врагов. Те не раз и не два предлагали ему сдаться. Капитан, в ответ, требовал отпустить, вывести из-под огня детей и женщин. Но ничего не вышло. И неравный бой продолжался пока Денис Плетнев, уже смертельно раненый, продолжал защищать свой одновременно такой маленький и такой огромный рубеж. Ни шагу назад – это ведь не просто лозунг, не просто слова. Это суть поступка капитана Дениса Евгеньевича Плетнева, суть его отношения к моменту жизни, который как раз и определился всей им до того прожитой жизнью, жизнью Человека и Офицера. Ведь все шестеро, кого Денис защитил в той квартире, остались живы. Как бы получив шанс заново родиться. Благодаря ему, молодому 27-летнему капитану ФСБ, продолжателю российской чекистской династии.

* * *

— …Ты — неуч, Соколов, — назидательным тоном произнес наш композитор, — прежде всего, необходимо точное знание своей задачи, чтобы каждый понимал, что делает. Это как план работы. На самодеятельности далеко не уедем, я знаю, о чем говорю. К слову, о деньгах. Не говорю, что много, но на это дело заработаю.

— Я тоже, — сказал Мишка Волков. — За рационализаторство ведь тоже платят.

— Скоро еще одну электронную игрушку закончу, — подхватил Женька Яковлев, — покупатель уже есть, серьезная фирма.

В общем, выяснилось, что каждый из нас готов заодно и финансово вложиться в постепенно вырисовывающийся проект. Осталось обговорить текущие задачи.

— Задача пока у всех одна, во всяком случае, на ближайшие семь дней, до того, как разъедемся, — вновь включился в

разговор Виталик, правда, слегка покрасневший, после «раскрытия» его писательского инкогнито, но быстренько пришедший в цветовую норму под ласково-материнским взглядом Розы Валеевой. — Как правильно заметил Стас, отрабатываем до мельчайших деталей план занятости и взаимодействия на ближайшее время и начинаем сбор материала.

— Виталь, ты забыл Женю спросить, как он на это всё смотрит, — тихонько напомнила Илонка брату. Тот сердито глянул на неё, мол, ничего не забыл, всему свое время, но я-то уловил, что смутился, только вида не подал, да и Як сидел молчаливый и нахмурившийся, потому что слово «электронная» во вступительном слове нашего негласного лидера он вычленил сразу, а вот продолжение как бы и не последовало.

— Жень, как догадываешься, твоя роль во всем этом деле особая. На тебе, получается, вся архивация базы данных, разработка сайта, полностью его поддержка и постоянная модернизация. Берешься?

— Ерунда, — пробурчал немногословный Яковлев. — Исполним так, что не стыдно будет всему миру предъявить.

Ну, а если Як говорит, что сделает, это все равно, что подпись на банковской карте. Так, по-моему, во взрослых книжках пишут.

— Ой, ребята! — воодушевилась Розалинда Валеева. — А что если нам международный проект создать? Представляете, какой масштаб?

— Ага, так тебе американосы информацию о своих внутренних делах и пришлют, — насмешливо протянул Рыжий. — Заодно и споют, и спляшут.

— Почему сразу Америка? — не поддержала его тон Розалинда Рахмановна Валеева. — Ведь есть Белоруссия, Украина, кто нам на самом деле близок. Разве не так? — обратила она свой пламенный революционный взор на Виталика.

Мне стало интересно. Что наш вдохновитель ответит, учитывая, что между ними тоже искра пробежала, как между Илонкой и мной, и что уже давно являлось для всех наших секретом Полишинеля.

Виталик задумался на секунду другую. По вдруг установившейся тишине, я понял, что и остальные с интересом ожидали его слов. Но так и не дождались. Виталька вдруг улыбнулся, что-то быстренько нацарапал на листе бумаги и молча передал Валеевой. Та, прикрыв рукой записку от было сунувшего туда нос Рыжего, прочитала, улыбнулась в ответ:

— Я согласна.

— А нам? — Протянул Васька.

— А вам — по губам, — подытожил Миша Волков, и мы на несколько часов полностью окунулись в разработку темы.

Когда охрипнув от доказательств собственной правоты, поняли, что коллективная соображаловка запросила «sos», решили, что на сегодня пока хватит. Илонка накормила нас обедом. Мишка перебрался в комнату досыпать утренние часы. Як уткнулся в свой ноутбук, сказав, что его ни для кого нет. Виталик и Роза решили смотаться в Морской музей, Валеева в нем никогда не была, да и в Питере до этого лишь проездом. Рома, взяв скрипку, отправился на невский простор репетировать. Компанию ему составили Стасик и Рыжий, предварительно отыскав в капустинском гардеробе очень старую, наверное, еще дедовскую шляпу, и получив у Виталика разрешение на использование ее для общего блага. Уходя, Рыжий подмигнул мне:

— Говорят, Синица консерваторский зал собрать в состоянии. Посмотрим, как жители города на Неве на будущую московскую знаменитость отреагируют. На пару номеров Виталькиного самиздата, надеюсь, заработаем.

— Только Ромкины нервы поберегите, — крикнула им вдогонку Илона.

— Артист и публика не разделимы ни партером, ни рублем, — пропел Стас уже из-за двери.

А я пригласил Илонку прогуляться до своих родственников, которые жили на Суворовском проспекте. От Капустиных совсем недалеко. По Шпалерной до Таврической, можно еще через сад рвануть, а там прямой выход на Суворовский.

ПОДВИГ НЕ БЫВАЕТ НИ ГРОМКИМ, НИ ТИХИМ. ОН ПРОСТО ПОДВИГ

Дверь открыла Ириша, двоюродная сестра моей мамы, уже дважды бабушка, но для всех нас по-прежнему просто Ириша. Солнечная женщина. Добрая, веселая, хлопотливая и с подходящей профессией для своего характера: учитель-воспитатель младших классов. Шутка ли, тридцать пять лет в одной и той же школе. Дядя Коля тоже был дома. Он – заслуженный оператор. Снимал такие замечательные детские фильмы, как «Зеленый фургон» и «Боба и слон». Но мало кто знал, что как оператор-документалист он прошел многие «горячие» точки, работал в Афганистане, после чего у него появилось немало друзей среди военных, которые каждый день рисковали своими жизнями.

Ириша быстро накрыла на стол, не слушая наши протесты, что мы только что после обеда. Дядя Коля веско сказал:

— Вениамин, откуда эта босяцкая манера перечить взрослым? В кои веки появился, да еще с прекрасной дамой (чем вогнал Илонку в краску), лучше-ка расскажи, что тебя в Ленинград привело, — Николай Иванович Строганов по старой памяти называл Питер Ленинградом, в котором прошли его юность, молодость, да и приличная часть зрелости. — А то мама твоя позвонила, сказала, что обязательно заглянешь, но почему не у нас остановишься, и, вообще, чем заняться здесь намерен, мы Ириной Александровной толком не поняли.

— Решили с ребятами организовать Клуб «История подвига. Открытый дневник». Илона и ее брат Виталий предложили. Мы поддержали. Вот и всё.

Он внимательно посмотрел на нас, будто только что увидел, подождал, пока Ириша закончила разливать по тарелкам особенный строгановский борщ, и с расстановкой произнес:

— Всё, говоришь. А я так думаю, что это только начало.

— Коля, — прервала его монолог Ириша, — дай детям спокойно поесть, еще успеете поговорить.

И мы на самом деле успели. Часа три-четыре. Рассказывали мы, вспоминал Николай Иванович, тайком утирала слезы Ириша.

В один из моментов дядя Коля вышел из гостиной в другую комнату и через несколько минут вернулся, бережно держа небольшую круглую жестяную коробку. В таких давным-давно, как рассказывала мне бабушка, еще в советское время, продавали разноцветные круглые леденцы, посыпанные сахарной пудрой, а всё вместе это называлось замечательным словом - «монпасье». У нас дома такая же есть, мама в ней иголки и нитки держит. Поставил ее на стол, снял крышку, и нашему любопытному взору предстал маленький склад различных незамысловатых вещиц. Тут был и перочинный ножик, и солдатские пуговицы, и бензиновая зажигалка, сделанная из гильзы от патрона к «калашникову», и что-то еще — легко узнаваемое или же совсем непонятное.

— Это — моя память, — объяснил дядя Коля и точным, операторским движением руки вытащил из коробки и положил на стол небольшой кусочек темного металла, неровный по краям и весь в зазубринах. — Осколок гранаты, — пояснил он. — Выдернут из камеры моего молодого товарища, кстати, Веня, почти ровесника твоего отца, который работал с ней в Беслане. Пока была возможность, он снимал, когда камеру убили — помогал спасать детишек. А в город вернулся, этот осколок мне подарил, — ибо считает меня своим учителем в операторском деле, что мне, кстати, очень лестно, — и сказал, что отснятый материал раз посмотрел и больше не сможет, потому что сердце на части разрывается. Во многом поэтому совсем молодым из нашей профессии ушел. Сейчас работает учителем истории в сельской школе под Псковом. Вместе со своими учениками, как и вы, собирает информацию о наших солдатах и офицерах, кто совершили героические поступки. Иногда в Ленинград приезжает, с друзьями повидаться. Обязательно меня навещает. И обязательно расскажет не одну историю о судьбах примечательных и судьбы эти,

Вениамин, можно вписывать золотыми нетленными буквами в мемориальные комплексы в любом российском городе, городке и даже самой захудалой деревеньке. Потому что эти вчерашние мальчики и есть одновременно прошлое, настоящее и будущее России. Мысль моя вам понятна, молодые люди?

В ответ мы с Илонкой, не сговариваясь, молча и одновременно кивнули.

— Историю он мне одну рассказал, о враче нашем, до сих пор не могу забыть, — продолжил Николай Александрович. — Такое ощущение, что перед глазами военное кино идет. Только в кино герой после съемок домой идет живой и невредимый, а здесь… Ладно, слушайте. И на Ирину Александровну не надо смотреть, а то засмущаете, она, когда такие рассказы слышит, всегда плачет.

Врач – имя собственное

Врач-хирург, более мирной профессии, казалось бы, трудно придумать. Но если ты военный врач, на тебе офицерские погоны, то должен соответствовать сразу двум ипостасям — мирной и воинской. Старший лейтенант Эдуард Белан, которому посмертно присвоено звание Героя России, служил врачом-хирургом отделения экстренной медицинской помощи в больнице УВД Липецкой области. До этого прошел срочную службу в ракетных войсках, затем получал высшее медицинское образование в Воронежском институте имени Бурденко. Дважды выезжал в служебные командировки на Северный Кавказ. Или другими словами, военно-полевую хирургию, когда приходится работать в экстремальных условиях, знал не понаслышке, через сердце и руки пропустил.

Осенью, одна из групп липецкого ОМОНа, в составе которой находился и старший лейтенант Белан, несла службу в Новолакском районе Дагестана. И наступил день, когда около тысячи боевиков под предводительством Басаева, прорвались в село Новолакское. Так получилось, что Эдуард Белан оказался

среди тех, кто приняли на себя первый удар бандитов, сопровождаемый шквальным огнем. Их было очень немного, буквально, горстка. Но у них хватило сил и мужества не отступить и на какое-то время завязать на себе основные силы наступавших. В эти минуты Белан бился не как врач, как офицер… И вот что хочу вам сказать: не раз и не два вспоминая эту историю, я задавался вопросом: вот он, человек мирной профессии, призванный всегда и везде спасать жизни, мог ли в тот момент поступить иначе? Как офицер, давший Присягу, конечно, нет. Но, оказывается, что и как врач, тоже — нет. Потому что опять же спасал. Спасал своих товарищей живых и раненых, спасал местных жителей, спасал дагестанских милиционеров, но спасал и пытался оберечь их с оружием в руках. О каком скальпеле, перевязке или срочной операции могла идти речь, когда вот бандиты, а вот — он, на расстоянии нескольких десятков метров, и надо выполнить свой долг, не врачебный и не воинский, а прежде всего — долг общечеловеческий, призванный остановить насилие и смерть, что навязывает любой террор. В рукопашной его, оглушенного, захватили в плен. Пытали. Когда узнали, что врач, и на все предложения услышали в ответ твердое «нет», пытали с изощренным изуверством…

Сейчас почему-то вспомнился другой эпизод, но так похожий внутренне, — продолжил Николай Иванович вдруг осевшим голосом. — Как-то в одной из командировок, нет-нет, не из тех, о которых был предыдущий рассказ, но, можно сказать, что тоже на войну, мне довелось познакомиться с майором медслужбы. Обстоятельный, спокойный, неторо-

пливый хирург из Ярославля. Руки — мгновенные и золотые. Профессионал высочайшего класса. На операционном столе чудеса творил. О долге, о человеческом начале мы с ним подолгу разговаривали. Рассказал, как однажды привезли в его госпиталь солдатика. Ранение было таким, что даже он ничем помочь уже не мог. Да и парень знал, что умирает. У себя дома этот юноша ходил на донорский пункт, кровь сдавал. И вот сейчас, зная, что жить ему осталось совсем немного, но оставаясь в сознании, сказал майору фразу, после чего тому захотелось в голос завыть от бессилия и безысходности. А слова солдата были такими: «Вы у меня кровь возьмите, пока она еще живая, может, кому из ребят пригодится». Вы только вдумайтесь, он так и сказал о своей крови — вы её возьмите, пока она у меня живая, может быть, кому-либо пригодится… Вот оно — величие всего человеческого в человеке!

О долге и вере

Наступил вечер, когда мы стали прощаться с Иришей и дядей Колей. Пора было возвращаться в нашу штаб-квартиру. Тем более, что Виталик уже несколько раз звонил сестре на мобильный, не понимая, где и почему мы так долго застряли. Во время последнего звонка Николай Иванович попросил у Илоны трубку, и самолично просветил нашего лидера неподражаемым староленинградским монологом, в котором даже порядок слов пахнет врожденной питерской интеллигентностью: «Молодой человек, не волнуйтесь, и мой племянник Вениамин, и ваша очаровательная сестра не просто в гостях, а в гостях у заслуженной учительницы России и не менее заслуженного оператора Ленфильма. И беседы мы ведем по теме, которую, ваше юное сообщество, как я понял, собирается раскрыть в полной мере. И хочу вам сказать огромное спасибо за очень важное для всех нас деяние, и моя супруга, Ирина Александровна, с благодарностью присоединяется к этим словам. Вениамин тут нас просветил, что именно вы являетесь застрельщиком столь благородного дела, и для меня большая честь беседовать с вами, пускай, и по телефону».

Интересно, — подумал я, — как Виталька воспринял монолог Николая Ивановича? Надеюсь, как надо. Хотя торопливость нашего времени выкинула из молодежного словарного запаса немало замечательных слов и интонаций, и если иногда все же слышишь их в оригинале, становится ясно, что лишились мы не просто слов, а красоты общения. Лично я — в таком разрезе понимаю. А кто-то из наших ровесников послушает-послушает и подведет незатейливую черту: мол, чего этот старик распинается, когда всё им сказанное можно в два-три слова уложить. Зачем лишний раз голову напрягать, когда и так ясно... И ведь тоже по-своему будет прав. Точнее, исходя, из своего, то бишь, нашего времени.

— На машине поедем или пешком пройдемся? — Спросил Николай Иванович, явно собираясь нас проводить до Шпалерной. Мы с Илонкой переглянулись, планы были немного другими, хоть немного вместе побыть, а то всё на людях да на людях. Но и отказать дяде Коле, значит обидеть. Это я тоже понимал. Хорошо Ириша заметила наш перегляд, всё прочувствовала и мягко с чуть читаемой укоризной произнесла:

— Николай Иваныч, забыл, как сам молодым был? Ребятам, может быть, хочется вдвоем по городу прогуляться, дел у них, как рассказали, ожидается много, когда еще получится вот так пройтись, на красоту посмотреть.

Тут и дядя Коля в ситуацию врубился. Звонко рассмеялся, обнял жену за плечи:

— Я всегда говорю: женщина видит сердцем, а мужчина — глазами, да и то не всегда.

На этом несколько щекотливая для нас с Илонкой тема была исчерпана. Дядя Коля попросил Иришу налить нам по последней, «отходной» чашке фирменно-строгановского смородинного чая.

— Хотел по дороге вам рассказать, но получается, что на дорогу. Я газеты не так, чтобы очень внимательно читаю, но одна заметка меня тронула до глубины души. В ней говорилось, что командующий Ленинградским военным округом

лично вручил Ордена Мужества двум священнослужителям, иерею Дмитрию Василенкову и его помощнику Александру Назарову. И обратите внимание, за что именно — за самоотверженность, мужество и отвагу, проявленные при выполнении священнического и гражданского долга в районе проведения контртеррористической операции на Северном Кавказе. За последние несколько лет отец Дмитрий вместе с помощником много раз выезжали в «горячие»точки, где вели духовную работу среди военнослужащих спецподразделений. И обрати внимание, Вениамин, тебе, как будущему журналисту, будет интересно узнать, что никаких специальных «благ» эти высоко моральные люди себе не требовали, наоборот, наравне с офицерами и солдатами несли на своих плечах все тяготы службы: участвовали, именно как священники, в боевых столкновениях. В одном из них отец Дмитрий был ранен, пуля ведь не выбирает, какого ты роду-племени. Но главное даже не в этом — в бою вообще никто ни от чего не застрахован. Главное тут — в возрождении института военного духовенства в российской армии. Об этом сейчас мало пишут и мало рассказывают. Хотя многие ответственные товарищи любят повторять, что сначала важны духовные ценности, а в самом конце списка — материальные. Знаете, дети, я долго размышлял, с чего пойдет духовное возрождение России? Благо свободного времени сейчас много, пенсия позволяет. И пришел к выводу, что точкой отсчета могут стать такие во все времена нетленные понятия, как Вера и Долг перед Отечеством. Из недавней истории могу привести не один десяток примеров на эту тему. Но сейчас скажу вам лишь одно: вы повнимательнее присмотритесь к людям, которые сегодня и словом, и делом реставрируют в умах и сердцах молодых солдат и офицеров эти два величайших Смысла. И, внешне не геройствуя, они, не задумываясь, как само собой разумеющееся, совершают героические Поступки наравне с бойцами, среди которых проповедуют. Так было на Руси и сто, и двести, и триста лет назад. История ведь развивается спиралеобразно. И сейчас наби–

рает силу тот самый справедливый ее виток, который не мог не состояться. А вспомнил об этом еще по одной причине. Вениамин, думаю, не знает, что в роду по линии Ирины Александровны и его мамы было аж пять поколений кадровых военных — а я на самом деле этого не знал — от офицеров царской армии до армии советской и российской. В общей сложности десять Георгиевских крестов разных степеней ими заслужено, шесть медалей «За отвагу», не считая большого количества других почетных воинских наград. И уж точно не знает, что был в их роду и один священник, отец Михаил, который принял постриг еще до Великой Отечественной. В сорок первом был направлен приходским священником в Белоруссию, в деревню неподалеку от городка Береза-Картузская, так он назывался до сорокового года, а после — город Берёза. Войну провел в партизанском отряде. После – вместе с прихожанами отстраивал превращенную в пепелище церковь. Каждый год на 9 мая, ведя службу, надевал орден и три медали, одна из них, к слову, «За отвагу». Я встречался с ним несколько раз, когда еще молодым составлял генеалогическое дерево нашей семьи. Отец Михаил был своеобразным человеком. Ни разу в жизни вина не выпил, не то что водки, не курил никогда и каждый месяц читал своим прихожанам проповедь о вреде алкоголя и табакокурения. Но в то же время любил скорость и всевозможные самодвижущиеся механизмы. На службу приезжал на трофейном немецком мотоцикле, огромном «БМВ» темно-зеленого света, который слышен был за несколько километров. Местные старушки сначала этот агрегат не иначе, как дьявольским отродьем называли, чуть было бойкот отцу Михаилу не объявили, но потом простили и разрешили. И еще он танк наш, «тридцать четверку», в лесу нашел. Восстановил имена погибшего экипажа, вместе с сельским механиком за год полностью вернул машину в строй, и когда танк определили в музейные экспонаты, тот своим ходом с гордо реющим красным знаменем над

башней шел от села до железнодорожной станции, чтобы затем на платформе отбыть в Минск. На разные темы мы с отцом Михаилом говорили. Интересно, как он восприни-мал слово «подвиг». «Не знаю я, что это такое, — говорил он мне. — Знаю, что есть Служение людям и Родине. Знаю, что есть Долг перед народом и Отчизной. Знаю, что каждый че-ловек способен на Поступок. А так как все мы перед Богом равны, то и Поступки наши, свершенные во имя Отечества, нельзя делить на Большие и Малые. Как определить значи-мость содеянного: вот солдат своим телом закрыл командира, жертвуя жизнью, дарованной ему свыше; а вот молодой бело-рус нам в партизанский отряд последний куль зерна отдал, сам принес, а у него в хате жена и дети, впереди зима, и чем им всем прокормиться, чтобы с голоду не помереть, одному Богу известно… Скажешь, несопоставимые примеры привел? А ты пораскинь мозгами, подумай хорошенько, может, тогда и поймешь, что такое осознанная жертвенность во имя ближ-него своего, жертвенность за Святое дело, за Правду. И что стоят они в одном человеческом ряду, а не на разновеликих ступеньках, одно выше, другое ниже. И еще тебе скажу, - при этих словах отец Михаил, как и на проповеди, воздевал вверх указательный палец правой руки, — Жертвенность, как и Поступок во все времена были присущи русскому народу. Как сказали бы ученые мужи — присущи на генетическом уровне. Что наиболее ярко и массово проявлялось в час испытаний. Испытаний силы духа человеческого. Вот почему мы всегда были, есть и будем, прежде всего, духом сильны, так Господь распорядился…».

ПОДВИГ НЕ БЫВАЕТ НИ ГРОМКИМ, НИ ТИХИМ. ОН ПРОСТО ПОДВИГ. 2

Домой мы возвращались, решив сделать круг по Невскому, сверкающему вечерними огнями. Подтаявший под робким дневным солнцем снег вновь превратился в ледяную корочку по краям тротуара, и чтобы не поскользнуться, Илонка крепко схватила меня под руку, что было приятно и заодно ответственно. Шли, смотрели по сторонам. Постояли у колонн Казанского собора, кстати, священного памятника воинской славе. Для тех, кто не знает или подзабыл: в усыпальнице Собора покоится прах прославленного полководца Михаила Илларионовича Кутузова, здесь же собраны знамена разбитых в 1812 году французских армий и ключи от французских городов, которые в той кампании занимала русская армия. Но разговор наш то и дело возвращался к теме, которая не оставляла теперь ни на час.

— Твой дядя очень правильно сказал, что подвиг в мирное время в борьбе против терроризма – удел не только воинов, но и всех граждан. И я знаю примеры. В том числе о наших ровесниках, ну, может, на три-четыре года постарше. Вот послушай.

Рассказ Илоны

Это произошло в Ингушетии, в станице Орджоникидзевская, 31 декабря, за несколько часов до наступления нового 2011 года. Мусса Сусаркиев, студент Ингушского государственного университета, вдруг обратил внимание в общем-то на ничем не примечательный ящик, оставленный или брошенный кем-то рядом с магазином на улице Губиной. Наверное, сам не раз замечал, сколько таких пустых ящиков или коробок иногда целыми штабелями громоздятся перед магазинами, особенно, в канун праздников, когда делается много покупок. Люди торопились по своим предновогодним делам. Но Муссу

будто что-то кольнуло, будто почувствовал неведомую опасность. Он попросил своего знакомого срочно поставить в известность милицию о подозрительном, как ему показалось, предмете, а сам остался рядом с магазином, стараясь предупредить как можно больше мужчин, женщин и детей о возможной опасности. Кто-то ему верил, кто-то нет, думая, что парень уже начал отмечать встречу Нового года, но Мусса продолжал свое дело, ожидая приезд милицейского наряда. Тут надо сказать, что большинство прохожих с пониманием отнеслись к предупреждениям молодого человека: понятие «терроризм» на Кавказе не было каким-то отвлеченным, и каждый знал, что это такое. Когда в радиусе возможного поражения, благодаря старанию Сусаркиева, не осталось ни одного случайного прохожего, прогремел взрыв. Это взорвался снаряд, заложенный террористами в том самом ящике. Я сказала «не осталось ни одного», исключив из этого списка Муссу. Только он продолжал находиться на своем, как подтвердилось временем, боевом посту, не думая о том, что если в ящике на самом деле заложена взрывчатка, то непоправимое может случиться в любую секунду. Взрыв раздался, как всегда, неожиданно. Мусса попал в радиус поражения. Ранение оказалось очень серьезным. Около двух недель студент Сусаркиев провел в реанимации Сунженской больницы, перенеся несколько серьезнейших хирургических операций. Чтобы стало понятно: в какой-то момент он находился между жизнью и смертью, и грань эта была очень и очень тонкой. Люди, которых он спас, молились за него. Свое замечательное умение продемонстрировали врачи. Так что эта история имеет счастливый конец. А геройский поступок Муссы Сусаркиева был отмечен Орденом Мужества, который вручил ингушскому студенту в Кремле Президент России.

* * *

Не знаю почему, но вечерний Питер люблю больше, чем вечернюю Москву. Что-то в нем есть особенное, что столица подрастеряла. Что именно, честно, объяснить не готов, да и никогда не задумывался об этом серьезно. Пока что из головы не уходил рассказ дяди Коли о жертвенности во имя кого-то. Илонка понимала, что, даже глядя по сторонам — ну, как не покрутить головой на Дворцовой площади! — я продолжаю думать о чем-то своем. Поэтому и спросила:

— Не можешь забыть рассказанного Николаем Ивановичем?

— Пожалуй, да.

— Про того солдата, который свою еще живую кровь хотел отдать?

— Не конкретно его, нет. Скорее, о почти забытой в нынешней гражданской жизни пословице: «сам погибай, а товарища выручай». Хотя, нет, Илон, и это не совсем точно… Я пока в Питер ехал, по просьбе Виталия написал три истории, услышанные в Москве. И еще несколько остались в памяти, но материала пока не хватает, надо с людьми повстречаться, которые знали тех героев, чтобы самому лучше понять то, что они совершили. Обязательно это сделаю. А сейчас, хочешь, расскажу, что пока знаю?

— Да, — серьезно ответила Илонка и остановилась, глядя на меня чуть снизу вверх, все-таки я на полголовы повыше буду. В тот момент мне вдруг ужасно захотелось ее поцеловать. Говорят, что первое желание самое верное. Но что-то меня остановило. Может, побоялся разрушить ту доверительность, которая между нами установилась? Хотя кто-то сейчас, наверняка подумал: вот гуляют два нормальных человека по вечернему городу, не скрывают, что им хорошо друг с другом, но вместо того, чтобы симпатию проявить, какие-то серьезные разговоры ведут. Но времени у них всего-то неделя, затем она останется в Питере, он вернется в Москву, и снова общение по скайпу. Но что такое вся эта электроника и говорящие изо-

бражения? По большому счету — ничто. А кто-то по-простому добавит: ну, и дурак же ты, Венька. Согласен, может, и дурак, но мозжечком ощущаю, что всё у нас впереди. Но пока дол-жен рассказать ей о том, что меня волнует и не отпускает вот сию минуту, и я чувствую, что её ответ не просто «из вежливости», а потому что настроены с ней на одну волну. Вот таких два индивидуума встретились. И, признаюсь, ребята, это лучшая встреча в моей жизни. И ей то же самое скажу. Впрочем, Илонка сама об этом догадывается.

Они были, есть и будут всегда

Этих трех настоящих мужчин объединяет один географический факт: все они родом с Алтайского края, из разных его уголков, и каждый из них отдал свою жизнь, уберегая от смерти своих боевых товарищей. И еще: всем им присвоено звание Героя России.

… 19-летний рядовой Александр Лайс, вчерашний лицеист из Бийска, а ныне боец отдельного парашютно-десантного полка спецназа ВДВ Московского военного округа. Август на Северном Кавказе по-настоящему красив. Но тебе не до этих красот, да и вообще ни до чего, кроме одного — максимально быстрого и эффективного выполнения поставленной задачи, когда в дозоре десантников ведешь поиск банды, готовящей

нападение на автомобильную колонну. Боевиков, уже занявших позицию для засады, они обнаружили в районе села Хотуни. Наши ребята передвигаясь по тропе между двумя высотками, когда, после резкого её поворота, выскочили на бандитов с неожиданной для тех стороны. Но и сами оказались на абсолютно голом «пятаке», с которого срочно надо было исчезать, ибо смотрелись как на ладони, даже травы здесь не было, не то что деревьев или кустарника. Первым же выстрелом снайперу отряда удалось уничтожить главаря банды. Однако, оставшиеся буквально ураганным огнем сумели рассечь дозор десанта на отдельные группы. Александр Лайс оказался рядом со своим командиром, прикрывая его, пока капитан корректировал огонь артиллерии. В таких мелкогрупповых огневых столкновениях, как считают опытные бойцы, абсолютно всё предусмотреть невозможно, и огромную роль помимо воинского опыта играет чутье на опасность, обостренное донельзя шестое чувство. Вот краем глаза Александр заметил сидевшего в засаде вражеского снайпера, готового нажать на спусковой крючок. И мгновением раньше рокового выстрела, направленного в командира, солдат, продолжая сам стрелять, привстал на одно колено, подставляя себя под пулю, но даже смертельно раненый в горло успел сразить бандита … Есть старинное поверье, что душа бойца, погибшего за правое дело на поле брани, попадает в рай. А это означает, пожалуй, одно-единственное: всё главное, что было тебе предписано совершить, ты совершил здесь и сейчас, не зная в этом своем свершении ни сомнения, ни трусости…

… 21-летний старший сержант Сергей Шрайнер. После срочной службы в бригаде внутренних войск МВД России продолжил службу в отряде специального назначения «Русь», где собрались профессионалы, которым по плечу было решение любой боевой задачи. Вечером 13 июля группа спецназа заступила на охрану 708 КПП. Задача — предупредить и пресечь появление бандитов. Ранним утром от

снайперов, наблюдавших за дорогой, пришел сигнал: подъехала пятидверная «Нива», затаилась в развалинах. А просто так машины перед КПП не прячутся. Тем более что ее уже не раз замечали неподалеку. И командир дал команду на захват. «Спецам» удалось скрытно преодолеть большую часть пути, но когда до цели оставалось меньше ста метров, вдруг заработал мотор машины. «Нива» резко сдавала то вперед, то назад, пытаясь развернуться на узкой дороге. И спецназовцы, уже не скрываясь «пошли в атаку». Сергей вместе с лейтенантом и еще одним бойцом почти добежали до вдруг ставшего неуклюжим вездехода, когда резко, будто от удара изнутри, распахнулась дверца, и выскочивший из машины боевик метнул им под ноги гранату. Бежавший чуть впереди Сергей, наверное, мог бы броситься на землю, откатиться в сторону, избежать веера смертоносных осколков. Может быть, кто-то так бы и поступил. Но только не он, старший сержант Сергей Шрайнер. И сделав последний прыжок, он успел накрыть гранату своим телом. Успел. Ибо через доли секунды глухо прогремел взрыв, натужно уходящий не ввысь и в стороны, а в землю, политую сержантской кровью…

… 23-летний старший лейтенант Петр Захаров, выпускник Новосибирского военного института, командир разведподразделения. Более двух лет исполнял свой воинский долг на Северном Кавказе. Перед его последней контртеррористической операцией две разведгруппы ушли в горный рейд. Первая обнаружила укрепленный лагерь боевиков на высоте 861,7. Завязался неравный бой. Разведчиков было в разы меньше, чем бандитов, которые все плотнее и плотнее стягивали кольцо окружения. Захаров командовал второй разведгруппой. Услышав выстрелы и разрывы гранат, наши повернули на помощь товарищам. Но были встречены плотным пулеметным огнем, который головы не давал поднять, не то чтобы продолжить движение. Позиции боевиков располагались чуть выше, поэтому положение второй разведгруппы ухудшалось с каждой минутой. И старший лейтенант Захаров тогда сделал то, что и должен был сделать командир. Что именно? Он сберег своих солдат. Ради этого ему пришлось выжить под шквальным огнем, пока бежал к пулеметной точке боевиков и забрасывал ее гранатами. Затем он поднял группу в атаку и… упал

сраженный вражеской пулей. А его ребята с утроенной силой и злостью продолжили дело, начатое командиром: сначала в ожесточенной схватке прорвали кольцо окружения, затем, не дав боевикам опомниться, захватили и уничтожили их лагерь, в котором находился арсенал оружия и боеприпасов…

— И таких примеров, о которых ты рассказал, даже десятки, а то и сотни, — прервала мое молчание Илонка. — Я знаю, что Виталик сейчас новую повесть заканчивает. Среди ее героев будет капитан спецназа Герой России Григорий Викторович Ширяев, который погиб, приняв на себя огонь боевиков, тем самым спасая своих товарищей.

— Илон, — попросил я, — давай попробуем от темы отвлечься, тяжело что-то, такое ощущение, что эмоции сейчас голову взорвут.

— Тогда пойдем ко львам, — предложила она, — на набережную, рядом с Морским музеем. Здесь недалеко. Там очень хорошее место. Красивое. Вечерний город виден, Петропавловка, Эрмитаж, Дворцовая. И Нева у ног, совсем рядом, успокаивает. Я всегда туда прихожу, когда мне не по себе становится или хочется одной побыть.

ВЕЧЕР ВТОРОГО ДНЯ. ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Мы вернулись домой, когда Виталик уже готов был объявить нас в розыск, а Рыжий высказал предположение, что мы умотали на денек в Москву, чтобы познакомить Илону с моими родителями.

— Ты почему мобильник отключила? — Не скрывая раздражения, спросил он резко сестру, что мне не понравилось уже само по себе.

— Я же написала, чтобы не звонил через каждые полчаса и дал нам побыть вдвоем, — смело ответила Илонка, чем ввергла всех сидящих за столом в глубокое молчание. Я тоже замер. Вот уж не ожидал, что она на такое способна, да и не заметил, как эсемэску брату написала.

— Венька, не знаю, кто из вас и за кем, как за каменной стеной — прервал затянувшуюся паузу Миша Волков,– но все живы-здоровы, поэтому предлагаю по-быстрому обсудить план на завтра и на этом завершить.

— Розалинда Батьковна, — тут же встрял Рыжий, — ты поняла как надо? — Васька по своей клоунской натуре явно намекал не на волковское предложение, а на предыдущие слова Илоны. И по взгляду Розы я догадался, что она-то как раз всё поняла и уже сделала выводы, которые, не уверен, что понравятся Виталику. Хотя это уже их личное дело, не маленькие, сами разберутся. А пока спросил гордо восседающего рядом Рому Синицына:

— Тебя завтра в шесть будить? Пойдешь на Неву вдохновляться?

Но тому не дал ответить Стас Горбатко:

— Ты ж ничего не знаешь, Вень, поэтому просвещаю. Господин Синицын сегодня вдохновился на пару дней вперед, сделав на набережной двухчасовой сольный концерт и собрав человек сорок благодарных слушателей, не считая двух полицейских, которые даже ему аплодировали.

— И заодно всю фишку нам поломал, — сумрачно добавил Рыжий. — Мы шляпу положили и уже рублей сто насобирали, когда

до Синицы дошло. И что этот Паганини сделал? Выгреб все деньги, извинился перед народом, попросил подождать, сбегал до ближайшего киоска и вернулся с ящиком мороженного — свои еще добавил, иначе на ящик ему бы не хватило. И всех слушающих этим самым мороженным одарил. Только нас проигнорировал.

— Не будете из меня марионетку делать, — пробормотал Рома. — Нашли на чем зарабатывать.

— Так будить или нет? — Спросил я.

— Нет, — гордо ответствовал Роман.

— Жаль, — добавил Мишка. — Выходит, опять спокойно поспать смогём лишь под утро, когда совсем устанем.

— От чего это вы устанете? — Непонимающе вскинулся Рома, ибо был свято уверен, что если кто и храпит в нашей компании, то только не он, но тут все разговоры прервал Женька Яковлев:

— Ровно сто!

— Что сто? — В один голос спросили я и Илона.

— Сто сообщений на наше предложение сотрудничать с Клубом «История подвига. Открытый дневник», которое Яковлев днем запустил по сети, — пояснил Виталик, старательно не глядя на сестру.

— Из Архангельска, Казани, Владикавказа, Перми, Кирова, Сызрани, Вологды и уймы других городов и даже сёл, о которых я никогда и не слышал, — с гордостью сообщил Як. — Даже от имени школ есть несколько писем. Уже штук десять написанных историй прислали. Ну, ребята, и кашу мы заварили!

— Правильную кашу, поэтому и писем столько, — подытожил рассудительный Волков. — Виталь, у меня предложение прежнее: Женька, значит, информацию собирает и систематизирует, завтра утром доложит, а мы пока что планом на текущий день займемся. Чего просто так время терять?

И мы занялись планом. Но о его реализации, и как сложилась жизнь нашего Клуба в целом и отдельных его представителей в частности — об это в следующем Дневнике. А сейчас я, Вениамин Соколов, специальный корреспондент газеты «Ученик», с вами прощаюсь. Но уверен, что скоро обязательно увидимся, услышимся и прочитаемся. До встречи!

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ..... 2

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗНАКОМСТВА 5

24 ЧАСА НАЗАД 9

ПИОНЕРКА 11
ОН НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ УМЕРЕТЬ 14
ДОМ СЕРЖАНТА..... 19

НОВЫЙ ПОВОРОТ 24

ОТСТУПЛЕНИЕ первое 26
ОТСТУПЛЕНИЕ второе..... 28

ПОДВИГ НЕ БЫВАЕТ НИ ГРОМКИМ, НИ ТИХИМ. ОН ПРОСТО ПОДВИГ 33

ВРАЧ – ИМЯ СОБСТВЕННОЕ 35
О ДОЛГЕ И ВЕРЕ 37

ПОДВИГ НЕ БЫВАЕТ НИ ГРОМКИМ, НИ ТИХИМ. ОН ПРОСТО ПОДВИГ. 2 42

РАССКАЗ ИЛОНЫ..... 42
ОНИ БЫЛИ, ЕСТЬ И БУДУТ ВСЕГДА 45

ВЕЧЕР ВТОРОГО ДНЯ. ПОСЛЕСЛОВИЕ 50